

Бытует мнение, что чаще всего служебные романы случаются в артистической среде. И хотя Нина Дробышева категорически отвергает само понятие «служебный роман», тем не менее своих будущих мужей она встретила именно «на службе».

Настоящему актеру некогда в жизни лицедействовать: за стенами театра совершенно другая жизнь, с ее бытом, житейскими заботами и проблемами. Тут некогда притворяться, хотя и на сцене никто этого не делает. Потому что это — профессия, то, без чего невозможно прожить. Если ак-

— То, что я прощляпила свою жизнь. Я могла бы иметь многое, а практически не имею ничего. Судьба дарила мне достаточно: съемки в Голливуде, были большие планы и перспективы, но у меня все утекло как песок сквозь пальцы. В результате — артистка я почти не известная. Это не боль во мне говорит, хотя в определенной степени и это есть. Но более всего — осо-

Нина ДРОБЫШЕВА:

Я МОГЛА УПУСТИТЬ РОЛЬ, НО МУЖЧИНУ — НИКОГДА!

— Нина Ивановна, с вашим первым мужем вы познакомились во время съемок фильма «Чистое небо»...

— Да, это был Виталий Коняев. Моя настоящая любовь!

— И как удалось пройти мимо Евгения Урбанского? Эталон мужественности, женская мечта!

— А кто вам сказал, что я не была в него влюблена? Более того, я и в Чухрая была влюблена! Конечно, Урбанский, как сейчас бы сказали, был настоящим секс-символом: от него все женщины на съемочной площадке были без ума. Рост, огромные руки, ослепительная голливудская улыбка и, конечно, талант! Но он был для меня недосыгаем, у него была своя жизнь, свои романы, любовь... Двадцатилетней девочке — Урбанскому тогда было 27 — он казался таким взрослым! А с Коняевым мы были сверстниками — общие интересы, круг друзей. Наш брак длился, пока я не полюбила другого мужчину.

— Фильм «Чистое небо» принес вам, тогда еще малоизвестной актрисе, славу. Вас заметил сам Антониони, о вас заговорили в Голливуде...

— После выхода фильма на экраны я действительно проснулась знаменитой. Что касается Голливуда... Да, в Москву приезжала съемочная группа, но я сдавала спектакль «Коллеги» и вырваться к ним на переговоры не смогла. Так что с Голливудом я не встретилась. С Антониони я познакомилась в Париже, на фестивале, куда привезли свою киноленту. Провели несколько часов вместе, он наговорил массу комплиментов, фантазировал, в каких ролях меня видит. Но я была молода, без царя в голове, и подобные встречи с режиссерами не воспринимала как возможность чего-то добиться, сделать карьеру. О чем сейчас жалею.

— Так или иначе, сыграв несколько ролей в кино, вы ушли в театр. Почему?

— Я всегда оставалась театральной актрисой. А вот в кино моя судьба не сложилась. Почему? Объяснить трудно. Хотя предложения были.

— После спектакля «Эдит Пиаф» о вас вновь заговорили. Бытует мнение, что в каждом актере режиссер, прежде чем поручить ему роль, ищет черты, схожие с героем театральной пьесы. Что в вас от Пиаф увидел режиссер?

Фото Александра Изотова.

— В то время я дружила с режиссером Борисом Щедриным, вместе работали над спектаклем «Чудесная башмачница». Зная, что я увлекаюсь Пиаф и собрала интересные материалы о ней, он предложил ввести меня на роль. Я благодарна Щедрину, давшему мне возможность на сцене прожить жизнь этой великой женщины.

— Но судьба Пиаф в известной степени трагична. Да, она была великой певицей, она была любима многими и в то же время невероятно одинока и несчастна. Не боитесь, сыграв Пиаф, наклеить себе ее судьбу?

— Среди актеров бытует мнение, что планка сыгранных героев — это вроде бы наклеивание себе их судьбы, особенно если герои не надуманы фантазией драматурга, а реально существовали. Пиаф бывала не раз в катастрофах — я тоже попала в страшную катастрофу, последствия которой до сих пор дают о себе знать. Да и после происходили события, которые отголоском связывали меня с бедями, пережитыми Пиаф.

— Считается, что лицедейство настолько в крови актера, что он всегда и всюду играет, порой даже дома, забывая о естественности, искренности. Кстати, об этом говорит и Сомерсет Моэм в «Театре».

— Думаю, Джулия Ламберт, которую вы имеете в виду, заблуждалась.

терпит в жизни, то он либо молодец, либо, простите, дурак.

— В Театре имени Моссовета у вас завязался следующий служебный роман — с Сергеем Бутенко...

— Он был на три года моложе, но я влюбилась — и вышла замуж. Вместе мы прожили 18 лет. Но это не значит, что у меня не было увлечений. Вообще я много любила, много расставалась. И неважно, кто от кого уходил. Думаю, кто умеет любить, тот умеет и достойно прощаться, и прощать. Может, поэтому у меня до сих пор сохранились дружеские отношения с моими мужьями, с теми, кого я любила.

— Но, как известно, «перетолкует все на свете безбожный свет». Недоброжелатели говорят о вас как о хрупкой даме с достаточно жесткой хваткой.

— Молва, сплетни всегда ходили за мной по пятам. Да за глаза и про царя судачили. Поэтому пересуды совершенно не беспокоили: кто знал обо мне больше, чем я сама?

— Есть ли у вас в театре близкие подруги, с которыми вы могли бы поговорить «о своем, о девичьем», или вы их всех уничтожили, как героиня в фильме «Служебный роман»?

— Все компенсируется мужским вниманием, отношением ко мне партнеров по сцене, поклонников, без которых жизнь скучна: обожаю их комплименты, лесть, когда цветы поднесут, ручку поцелуют. Если этого нет, я просто вяну. Вся эта чепуха так стимулирует, что сама над собой подтруниваешь. А в театре подруг у меня нет.

— Я заметила, что у вас общая гримерная с Маргаритой Тереховой. Как уживаетесь? Говорят, у нее характер сложный, хотя актриса она замечательная. Или — таланту можно все простить?

— Маргарита Борисовна Терехова вызывает во мне бесконечную любовь и уважение. Единственный конфликт, который припомню, был между нами, когда я закурила в гримерной, а Рита не выносит табачного дыма. Пришлось отказаться от сигареты, поэтому возможность последующих недоразумений растаяла с дымом погашенной сигареты. Что же касается вопроса, прощается ли все таланту, — нет, прощать все нельзя, но — необходимо.

— Что вы не можете себе простить?

знание того, что я могла и что не сделала, чтобы добиться этого. Представьте, сегодня я, впрочем, как и все другие ведущие артисты театра, занята лишь в одном спектакле — «Убийственная любовь».

— Что для вас самая большая загадка в жизни?

— Это, наверное, Бог и... мои дети.

— Вы верующий человек?

— Я — верящий человек.

— Как вы считаете, искусство может что-то изменить в человеке?

— Абсолютно в этом уверена. Посмотрите, в стране кризис, люди с трудом находят средства к существованию, а театральные залы не пустуют. Может, именно потому, что невыносимо жить, и только общение с искусством дает надежду выстоять, выжить достойно — не оскотиниться...

— Расскажите, пожалуйста, о своих планах.

— Мечтаю, чтобы состоялся спектакль, над текстом которого мы сейчас работаем вместе с молодым и очень талантливым артистом и режиссером Сергеем Виноградовым. Сергей — это мой последний творческий роман, если бы такого чувства не было, то и спектакль наш не получился бы. В свое время Никита Михалков заметил: «Я не могу работать, если не люблю и меня не любят». Я — из таких актрис.

— О чем эта постановка?

— О любви стареющей женщины и поклонника, который моложе ее лет на 30... Возможность такого чувства, его глубина и искренность — это для меня еще одна загадка. Ведь эта любовь запоздалая и скоротечная, хотя бы в силу короткости века старой женщины. Я долго разглядывала фотографии Эдит Пиаф и ее последнего любовника. Красивый мальчик. Думала: как это возможно? Но, наверное, возможно, если он ушел из жизни после смерти Пиаф: не перенес разлуки.